

© З. И. Лаврентьева, Ю. В. Койнова-Цёльнер, Т. А. Ромм

DOI: [10.15293/2226-3365.1506.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1506.13)

УДК 37.0 + 316.7

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

З. И. Лаврентьева (Новосибирск, Россия), Ю. В. Койнова-Цёльнер (Дрезден, Германия),
Т. А. Ромм (Новосибирск, Россия)

Постиндустриализм актуализирует задачу развития социального потенциала человека, что влечет за собой изменения в закономерностях и содержаниях социального воспитания. Закономерным становится обострение диалектичности и индивидуально-личностных процессов развития и социальных норм, идеалов, национально-культурных ценностей общества. Социальное воспитание приобретает характер личностно ориентированного. Особенно заметно проявление этой тенденции в семейном воспитании. С одной стороны, взаимоотношения семьи с другими социальными институтами постепенно сводятся к дальнейшему сосредоточению функций социального воспитания вне семьи; с другой – появляются замещающие семьи, где функции семейного и социального воспитания тесно интегрируются. Замещающая семья, сохраняя кровную семейную идентичность, посредством собственных семейных традиций прививает ребенку общественные ценности, готовит его к самостоятельной жизни в обществе. Замещающая семья формирует доверие к миру на основе восстановления доверия к самому себе. Миссия педагогики заключается в создании специальных условий преодоления противоречий между нарастающим социальным влиянием и индивидуальным развитием личности и семьи.

Ключевые слова: социальный потенциал человека, социальный институт семьи, социальное воспитание, семейное воспитание, воспитание детей в замещающих семьях.

Современное развитие общества не мыслится без развития социального потенциала человека. Необходимость преодоления по-

следствий не только социально-экономических и политических глобальных изменений заставляет задуматься о человекообразном,

Лаврентьева Зоя Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lzi53@mail.ru

Койнова-Цёльнер Юлия Васильевна – доктор философских наук, научный сотрудник, Технический университет Дрездена.

Ромм Татьяна Александровна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tromm@mail.ru

антропологическом и педагогическом аспектах этой проблемы: сохранить, развить и воспитать в подрастающем поколении приемлемые для современного демократического общества социальные нормы, национально-культурные ценности и идеалы. При этом задача стоит не просто поставить современного человека в конкретные нормы и правила реального социума, а совместить их с индивидуальными, социально приемлемыми запросами и потребностями последнего. В связи с этим актуализируется социально-историческая миссия воспитания, поиск его возможностей по смягчению центрального противоречия социализации между мерой приспособления человека к обществу и степенью его обособления в обществе [9].

Однако воспитание как социальный институт находится в ситуации неопределенности, с большими затруднениями реагируя на исторический и социальный кризис детства. «Меняющееся общество не в состоянии ставить реальные и адекватные задачи перед воспитанием, ибо оно не имеет устоявшегося идеала человека и устойчивого сценария своего развития, оно лишь пытается определить свои ценности и их иерархию, нащупать новые идеологические установки. Оно лишь знает, что нужно воспитывать “другого” человека и делать это “по-другому”» [9, с. 48]. Увеличивается разрыв между установками, которые декларирует общество в намерениях воспитывать новые поколения в гуманистическом русле, и общим характером «дегуманизации и дегуманитаризации жизни» [6, с. 11]. Кроме того, в дополнение (противовес) материалистическим потребностям (таким как стабильность, обеспеченность, карьера, потребление) признается необходимость развития потребности в ценностях, нормах, смысле, которые можно назвать «постматериалистическими».

На смену былому господству таких добродетелей, как прилежание, любовь к порядку, основательность, точность и квалифицированность значительно возрастает потребность в человечности, воображении, спонтанности, эмоциональности, теплоте и нежности. По мнению О. Больнова, «одна из первых и необходимых задач, поставленных перед нами современной ситуацией, – осознание простых добродетелей, которые во всех этических и политических системах являются необходимым основанием человеческой жизни» [15, с. 12].

Однако данные, приводимые в статистических и документальных источниках, в СМИ, свидетельствуют о широком распространении таких явлений, как рост социального сиротства, детское нищенство, ранняя коммерциализация подростков, семейное насилие, агрессивно-насильственное поведение подростков: детская и подростковая преступность; ранний алкоголизм, наркомания и токсикомания и др. [1]. На этом фоне развиваются как индивидуально-личностные процессы, затрудняющие понимание происходящего на уровне эмоций и чувств, так и социальные процессы жесткого обращения педагогов в воспитательных организациях. «Парадоксально, что это происходит в то время, когда лучшими умами человечества уже давно сформулированы и реализованы в жизненной и образовательной практике принципы сострадания, “благоговения к жизни”, “доверия к жизни”. Когда в прошедшем столетии у человечества уже были А. Швейцер и Я. Корчак», обращает внимание И. А. Колесникова [6, с. 14].

Происходит расширение субъектов воспитательной деятельности: индивидуальных (воспитатели-профессионалы, воспитатели-волонтеры, лидеры разного толка организаций и пр.) и групповых (государственный и негосударственные воспитательные организации). Полисубъектность социализации приводит к

полисубъектности воспитания, создавая основу для развития социального, религиозного, семейного, коррекционного и диссоциального воспитания, которые существенно различаются по целям, содержанию, средствам, формам. Появление новых субъектов воспитательной деятельности (церковь, субкультурные организации), изменение в стратегии и тактике решения воспитательных задач традиционных субъектов (школа, семья) изменяет характер воспитательной практики [13].

И все же самые значительные изменения происходят с традиционным субъектом воспитания – семьей. Взаимоотношения между детьми и родителями в семье выступают фактором построения ребенком картины социального мира. Однако при бурном темпе социального развития семья «не успевает» за его ходом. Родительская позиция при таких условиях быстро устаревает, нарушая процесс межпоколенных трансляций норм и представлений о жизни общества. В таких случаях родителям, которые хотят видеть своего взрослеющего ребенка успешным, зачастую уже недостаточно просто передать ему накопленный опыт – у них просто нет опыта жизни в новых условиях. В то же время очень сложно предположить, какие ценности и стандарты поведения будут адекватны завтрашнему дню, еще труднее передать ребенку те ценностно-нормативные модели, которым не следуешь сам и не всегда можешь полностью принять. Нечеткость и расплывчатость образа нового социального мира, которые присущи родителям, осложняют формирование адекватного представления об этом мире у ребенка.

Существенно изменяется структура семьи. Увеличение доли неполных семей (с одним родителем) – очевидный признак ослабления институтов брака и семьи (в крупных городах западноевропейских стран от пятой ча-

сти до половины всех учащихся общеобразовательных школ представляют неполные семьи; в США в начале 1990-х гг. около 19 % школьников проживали в неполных семьях; в Российской Федерации такая доля колеблется по регионам от 6 % до 22 %). Эта тенденция ведет к социальной и личностно-психологической автономизации детей подросткового возраста, к усилению неформальных (не контролируемых семьей и школой) факторов социализации детей. Тем самым серьезно усиливается значимость институтов социального воспитания в плане формирования ценностной системы растущего человека. Одновременно это означает уменьшение социальных ресурсов семьи для традиционной социализации подрастающего поколения, рост и усложнение ответственности родителей за обеспечение социализации и ее результаты. Взаимоотношения семьи с другими социальными институтами постепенно сводятся к дальнейшему сосредоточению функций социализации вне семьи.

Усиливается значимость эмоционально-психологических состояний, присущих семье как группе и имеющих влияние на социализацию каждого члена семьи. С одной стороны, мера взаимопонимания, доверия, терпимости, откровенной коммуникации, составляющие стиль семейных отношений – вот главное условие существования семьи сегодня. С другой – в большинстве семей исчезло третье поколение (дедушки и бабушки), традиционно выполнявшее прежде крайне важные социальные и культурные функции в отношении детей (психологической рекреации, безопасности и опеки, социальной и бытовой поддержки, общения, передачи трудового и социального опыта, художественного воспитания и др.). Происходит постепенное исчезновение разнообразия межличностных отношений, привно-

симых всеми родственниками в семье, что затрудняет возможность реализации открытой позитивной коммуникации.

Все более многочисленной становится категория семей, в которых родители не способны нести полноценную социальную ответственность за детей: рост числа детей, рожденных вне брака и в неблагоприятных условиях; все более типичными становятся семьи, где родителями являются малолетние матери, безработные и бродяжничающие или бездомные, больные алкоголизмом или психическими заболеваниями, люди с отягощенной наследственностью. С одной стороны, это стимулирует создание подразделений, берущих на себя гораздо более широкую, почти тотальную, социальную заботу о детях из неблагополучных семей или сиротах (детские дома, интернаты), с другой – это способствует формированию социально-иждивенческих установок у этих детей. Главное социальное последствие данной тенденции состоит в крайнем ослаблении социального контроля и социальной защищенности детей, остром дефиците позитивных социальных связей детей.

Обособление структурных связей нуклеарного домохозяйства с системой родственных связей самостоятельность профессионального статуса супругов, симметрия женских и мужских моделей поведения, независимость статуса детей в системе образования и профессиональной подготовки, автономность досуга членов семьи, – все это приводит к упрочению тенденции индивидуализации семейных ролей в социально-психологическом аспекте [2, с. 56]. При этом основные социальные интересы членов семьи, являясь по способу проявления индивидуальными, по содержанию становятся все более внесемейными, социально, профессионально непосредственно общественными. Возникает проблема

проявления, осознания и реализации общественной социальной направленности семьи [2].

Важно учесть специфику кризиса поколений, характерного для современной воспитательной ситуации. Причем к психологическому (традиционному) кризису отцов и детей сегодня добавился кризис ценностных ориентиров старшего и младшего поколений, вследствие чего картина мира современного взрослого и картина мира современного подростка существенно, принципиально во многом различаются между собой. На практике это приводит к формированию ситуации, в которой младшие учатся не столько у старших, но в значительной мере у сверстников. Это чрезвычайно повышает значимость сообщества детей, влияния группы сверстников на формирование и развитие человека.

В настоящее время на расширение функций социального воспитания существенное влияние оказывает тенденция развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Российская Федерация на протяжении пяти последних лет совершила решительный поворот от государственного воспитания данной категории детства в детских домах и других учреждениях социального профиля к их воспитанию в семье. В стране резко увеличилось количество семей, принявших детей, долгое время воспитывающихся в специализированных государственных институтах. Только в Новосибирской области на 1 января 2015 г. из 10 872 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 1 760 приемных семьях воспитывается 3 330 детей; в 5 027 семьях опекунов – 5 902 ребенка; в семьях усыновителей 1 941 ребенок [3, с. 97]. Данная тенденция является характерной и для всех других регионов страны. В разных видах замещающих семей оказывается от 87 % до 95 % всех

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [3].

По данным статистических отчетов органов опеки и попечительства и нашим наблюдениям, обобщенный образ современной замещающей семьи представляет собой полную семью с родителями средних лет, воспитывающих собственных и некровных детей [14, с. 224]. Следовательно, ребенок, лишенный семейной заботы кровных родителей, оказывается в новой полноценной семье. Вместе с тем, он продолжает оставаться ребенком, находящимся под особой защитой государства; ребенком, включенным в систему общественного воспитания. Таким образом, замещающая семья в отношении приемного ребенка начинает выполнять сразу две функции: семейного и общественного воспитания.

В свою очередь, данные тенденции требуют выявления научных закономерностей развертывания социального воспитания детей в замещающей семье.

Анализ научных источников [8; 11–12] и собственных исследований [7] позволяет сделать заключение, что в качестве ведущей особенности социального воспитания детей в замещающей семье выступает восстановление доверительного отношения ребенка к миру и окружающим людям. Семья при этом становится педагогически организованным средством реставрации этих отношений. Кстати отметим, что формирование доверительного отношения к миру и людям всегда было важным содержанием семейного воспитания. В отношении приемного ребенка это содержание, с одной стороны, актуализируется общественным мнением; с другой – обостряется самими родителями. Оно объективно становится приоритетным в жизнедеятельности ребенка и даже возводится всеми участниками процесса в абсолютную степень. Так или

иначе, оно выходит за пределы только семейного воспитания. Все это свидетельствует о том, что формирование доверительного отношения приемного ребенка к миру переходит в разряд социального воспитания. Как следствие, семейное и социальное воспитание интегрируются, обогащаются и передают социальному воспитанию новые функции и специфические закономерности.

Выделим некоторые закономерности социального воспитания, позволяющие семье преодолеть недоверие ребенка:

– создание максимально возможной общественной поддержки самого факта создания замещающей семьи, что посылает ребенку позитивный сигнал социального доверия к новому этапу его жизни, в сочетании с вербализацией родителями особой роли их собственной семьи в решении общественных проблем детства (мир доверяет нам);

– взаимодополняемость семьи и общества посредством предоставления замещающей семьи различного рода тайм-аутов (отпуска по уходу за ребенком, профессионального трудоустройства приемной мамой, психологическое сопровождение семьи и т. п.) в организации рекреационной семейной обстановки, позволяющих ребенку успокоиться и увидеть мир в свете добра и справедливости (мир может быть доброжелательным к детству);

– объединение общественной (специалистами государственных служб и общественно-благотворительных организаций) и родительской заботы и защиты ребенка, направленной на обеспечение базисного доверия, автономии, безопасности, принадлежности и близости, что является психологическим условием позитивного развития ребенка в целом и его позитивного восприятия мира, в частности (мир заботлив);

– закрепление за родителями общественной ответственности за безопасность ребенка и организация на основе нормативно-правовых актов общественного надзора за выполнением родительских обязанностей (мир отвечает за безопасность).

Итак, восстанавливая у ребенка, утратившего в условиях пренебрежения интересов и запросов со стороны кровных родителей, доверия к миру, необходимо использовать не только ресурсы собственно семейного, но и возможности социального воспитания. В свою очередь, сущность, содержание и закономерности самого социального воспитания претерпевают изменения и так или иначе экстраполируются на социальное воспитание в отношении и других категорий детства.

Отметим еще одну особенность сочетания и взаимообогащения семейного и социального воспитания, которая вытекает из самого явления (и его массовости в современных условиях) проживания ребенка в некровной семье, а именно сохранение его личностной идентичности. Заметим, что в нашей стране сохраняется законодательное право родителей на тайну усыновления, а также, как отмечают социологи [4, с. 136], опекунская и приемная семья часто на уровне подсознания стремится к скрытому усыновлению, т. е. условному признанию ребенка «своим» при соблюдении прав на государственную помощь при наступлении совершеннолетия при сохранении кровного имени и фамилии. В первом случае ребенка откровенно обманывают, во втором – вводят в заблуждение, исходя из тезиса «во благо ребенка». Как показывают многочисленные научные исследования, тайна кровного происхождения ребенка приводит к многочисленным негативным последствиям личностного развития: смешению идентичности, снижению самооценки, формированию недоверия к взрослым, закреплению чувства

вины, стыда и сомнения, смешению ролей, изоляции и стагнации, т. е. всему тому, что Э. Эриксон называет аномальной линией развития личности.

Чем в этой ситуации может помочь семье и как при этом меняется само социальное воспитание?

Как показывает анализ опыта раскрытия тайны рождения (жизни с кровными родителями) ребенка в замещающих семьях, с которыми сотрудничают авторы статьи, обращение принимающих родителей к обществу и его официальным и неофициальным структурам обеспечивает:

1. Признание права ребенка на информацию о том, как он появился в новой семье. Именно общественные организации предложили приемным родителям наряду с днем рождения (которое, кстати, психологи рекомендуют не менять при усыновлении) такую форму «раскрытия», как празднование Дня аиста, т. е. дня появления ребенка в семье; при этом праздник Дня аиста предлагается проводить в общественных местах, чтобы усыновленные дети видели, что их много, что такой способ появления ребенка в семье вполне распространен и общество его считает возможным, посылая сигнал ребенку о равенстве права на семейное счастье у любого ребенка. Семья, принявшая данную общественную установку, получает социальное право любить и воспитывать принятого ребенка, как своего.

2. Помощь в переживании горя утраты кровного родительства. В кейсах приемных родителей часто встречаются описания ситуаций, когда приемный ребенок приписывает приемной маме негативный образ кровной мамы. Он просто объединяет две фигуры матерей в одну. Если эту ситуацию родители начинают разрешать только семейными способами (например, стремясь продемонстрировать

ровать доброжелательное отношение к ребенку и проявляя любовь к нему), она быстро заходит в тупик. Здесь объективно необходимо обращение к способам социального воспитания, когда, например, психологи и социальные педагоги служб сопровождения выступают третьими лицами, позволяющими взглянуть на ситуацию со стороны, используя методы включения ребенка вместе с новыми родителями в заполнение «Книги жизни» или в занятия по теме рождения и приемности [10, с. 174–183]. Ребенок переключается с сиюминутных ситуаций на переживание ситуаций прошлого, без чего, как известно, движение в развитии семейных отношений невозможно. В данном случае социальное воспитание обеспечивает успешность воспитания семейного.

3. Переоценку всеми членами замещающей семьи устоявшихся ценностей и выработку новых, объединяющих людей разных родов, ценностей совместной жизнедеятельности. Роль социального воспитания заключается в том, что обществом, государством и их структурами всячески подчеркивается ценность семьи и особенно ценность семьи, имеющих детей. Однако это может (и зачастую приводит) к тому, что родители следуют за социальным образом и берут в свои семьи детей именно с целью соответствия этому образу. Дети в таких случаях становятся средством самореализации взрослых людей, как людей, со-

ответствующих социальной норме. Роль семейного воспитания, напротив, традиционно направлена на то, чтобы в центр детско-родительских отношений поставить ребенка и безусловную любовь к нему. В семейном воспитании родительская жизнь подчиняется ребенку, направлена на него, ценна счастьем детей. На наш взгляд, именно осознанное сочетание всеми членами замещающей семьи общественной ценности семьи как таковой и подчиненности семейной жизни заботой о детях является основой создания специфической общности кровных и некровных родичей, объединенных важными именно для этой общности ценностями. В данном случае, успешность семейного воспитания обеспечивает эффективность воспитания социального.

В заключении отметим, что в современном трансформирующемся обществе роль социального (во всех его многочисленных проявлениях) становится все мощнее. Вместе с тем, чтобы не возникали непреодолимые противоречия между нарастающим влиянием социального и индивидуальным развитием личности или семьи, необходимо выявлять и создавать педагогические условия для практического осуществления новых закономерностей сочетания и взаимного обогащения социального и других видов воспитания. Социальное воспитание при этом приобретает характер личностно ориентированного, менее нормативного и более интерпретативного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 **Асмолов А. Г.** Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Психолого-педагогический поиск. – 2010. – № 2 (4). – С. 21–39.
- 2 **Голофаст В. Б.** Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. – СПб.: Алетейя, 2006. – 432 с.
- 3 **Государственный доклад** о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/69> (дата обращения 18.11.2015).

- 4 **Гурко Т. А., Белобородова О. А.** Становление института приемной семьи в регионах // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 134–138.
- 5 **Зябрева Л. М.** Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области «О соблюдении прав и законных интересов ребенка в Новосибирской области». – Новосибирск, 2015. – 173 с.
- 6 **Колесникова И. А.** О парадоксальности контекста современного образования // Новые ценности в образовании. Контексты и подтексты образования. – 2006. – Выпуск 5–6 (28–29). – С. 11–24.
- 7 **Лаврентьева З. И.** Приемная семья как социально-педагогический феномен: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 218 с.
- 8 **Леонова Е. Е.** Психологические особенности подростков, переживших вторичное сиротство // Педагогика в пространстве науки и практики: сборник статей по итогам открытых педагогических чтений (Новосибирск, 8–10 апреля 2015 г.) / под ред. З. И. Лаврентьевой, Т. А. Ромм; Мин-во обр. и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Вып. 7. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 189–193.
- 9 **Мудрик А. В.** Воспитание как социальный институт // Вопросы воспитания. – 2009. – № 1. – С. 44–49.
- 10 **Неупокоева О.** Программа психологической подготовки приемных детей к школе // Сборник материалов: региональный опыт, интересные практики, рассказы приемных родителей. – М.: Здесь и сейчас, 2015. – С. 161–200.
- 11 **Ослон В. Н.** Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья: монография. – М.: Генезис, 2006. – 368 с.
- 12 **Петрановская Л. В.** Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка. – М.: АСТ, 2015. – 99 с.
- 13 **Ромм Т. А.** Стратегические ориентиры социального воспитания в постиндустриальном обществе // Сибирский педагогический журнал – 2013. – № 2. – С. 26–31.
- 14 **Скворцова Е. И.** Дифференцирующие признаки эффективной и неэффективной позиции приемного родителя // Педагогика в пространстве науки и практики: сборник статей по итогам открытых педагогических чтений (Новосибирск, 8–10 апреля 2015 г.) / под ред. З. И. Лаврентьевой; Т. А. Ромм; Мин-во обр. и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – Вып. 7. – С. 224–230.
- 15 **Bollnow O. F.** Einfache Sittlichkeit. Kleine philosophische Aufsätze. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1947. – 205 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1506.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1506.13)

Lavrentyeva Zoya Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Pedagogies and Psychology Department, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: lzi53@mail.ru

Koynova-Tsollner Yuliya Vasilevna, Doctor Sciences (Philosophy), Scientific Employee, Dresden Technical University, Dresden, Germany.

Romm Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogies and Psychology Department, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: tromm@mail.ru

CURRENT TRENDS AND DEVELOPMENTS IN CHILDREN'S SOCIAL EDUCATION IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Abstract

The issues of human social potential development play a vital role in a post-industrial world. As a consequence, there have been considerable changes influencing patterns and content of social education. They lead to intensifying the dialectical nature of personal development, social norms, ideals, national and cultural values of society. Social education is becoming more learner-centered. The influence of this trend on parenting and family child-rearing is the most obvious. On the one hand, today the interactions between families and other social institutions are characterised by gradual removing the functions of social education from families; on the other hand, the functions of child-rearing (parenting) and social education closely overlap in adoptive families. Adoptive families through their family traditions teach their children social values and prepare them for independent life in society. Adoptive families help children to build trust in the world by restoring their self-confidence and self-esteem. The mission of education is to create favorable conditions for overcoming contradictions between increasing social influences on people and the development of individuals and families.

Keywords

social potential, family as a social institution, social education, parenting, child-rearing, adoptive families, rearing an adopted child, raising adopted children

REFERENCES

1. Asmolov A. G. Strategy of sociocultural modernization of education: on the way to overcoming of crisis of identity and creation of civil society. *Psychological-pedagogical search*. 2010, no. 2 (14), pp. 21–39. (In Russian).
2. Golofast V. B. *Family sociology. Articles of different years*. (ed.) O. B. Bozkov. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2006, 432 p. (In Russian)
3. *The state report on position of the children and families having children in the Russian Federation*. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/69> (accessed: 18.11.2015). (In Russian)

4. Gurko T. A., Beloborodova O. A. Formation of institute of a foster home in regions. *Sociological Studies*. 2009, no. 2, pp. 134–138. (In Russian)
5. Zyabreva L. M. *The annual report of the Ombudsman for Children in the Novosibirsk region "About observance of the rights and legitimate interests of the child in the Novosibirsk region"*. Novosibirsk, 2015, 173 p. (In Russian)
6. Kolesnikova I. A. About a paradoxicality of a context of modern education. *New values in education. Contexts and implications education*. 2006, no. 5–6 (28–29), pp. 11–24. (In Russian)
7. Lavrent'eva Z. I. *Foster home as social and pedagogical phenomenon: monograph*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2014, 218 p. (In Russian)
8. Leonova E. E. Psychological features of the teenagers who endured a secondary orphanhood. *Pedagogics in space of science and practice: collection of articles*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2015, pp. 189–193. (In Russian)
9. Mudrik A. V. Education as social institute. *Questions of education*. 2009, no. 1, pp. 44–49. (In Russian)
10. Neupokoeva O. Program of psychological training of adopted children for school. *The special child in a foster home and in establishment: socialization, integration, public opinion*. Moscow, Zdes' i seyчас Publ., 2015, pp. 161–200. (In Russian)
11. Oslon V. N. *Living arrangement of orphan children: the professional replacing family*. Moscow, Genezis Publ., 2006, 368 p. (In Russian)
12. Petranovskaya L. V. *Secret support. Attachment in the child's life*. Moscow, AST Publ., 2015, 99 p. (In Russian)
13. Romm T. A. Strategic points of social upbringing in postindustrial society. *Siberian Pedagogical Journal*. 2013, no. 2, pp. 26–31. (In Russian)
14. Skvortsova E. I. The differentiating signs of an effective and inefficient position of the adoptive parent. *Pedagogics in space of science and practice: collection of articles*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2015, pp. 224–230. (In Russian)
15. Bollnow O. F. *Simple morality. Small philosophical essays*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1947, 205 p. (In German).